

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-477-487
УДК 82.01

Научная статья / Research article

Жанровые особенности повестей Марины Палей

Д.М. Леднева

*Литературный институт имени А.М. Горького,
Российская Федерация, 123104, Москва, Тверской б-р, д. 25*
✉ ledneva.daria@mail.ru

Аннотация. Первоначально произведения Марины Палей критика относила к прозе вполне традиционного склада. Поиски адекватной формы выражения авторского мировоззрения привели писательницу к жанровым экспериментам. Рассмотрены жанровые особенности повести «Под небом Африки моей» и ряда других произведений, их интертекстуальность и диалог с Пушкиным. Затронуты проблемы «принципиальной непереводаемости кодов», особенности травелога и записок в контексте всего творчества Марины Палей. Дан анализ образов главных персонажей, где образ Ваньки Телятникова соотнесен с образами русской нечисти и трикстера, а образ Мазанивы Мвунги разобран в контексте африканской линии А.С. Пушкина. Сплетение воедино различных мотивов, образов, уходящих корнями в русскую литературу, создает особый интертекстуальный фон произведений, благодаря которому воспроизводится оригинальная художественная картина современной российской действительности, утверждаются авторские представления о жизненных ценностях.

Ключевые слова: Марина Палей, А.С. Пушкин, жанровые формы, повесть, интертекстуальность, путешествие, записки

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18 января 2022 г.; откорректирована 10 февраля 2022 г.; принята к публикации 1 марта 2022 г.

Для цитирования: Леднева Д.М. Жанровые особенности повестей Марины Палей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 477–487. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-477-487>

The genre features of the novels by Marina Paley

Daria M. Ledneva

*Maxim Gorky Literature Institute,
25 Tverskoy Bulvar, Moscow, 123104, Russian Federation*
✉ ledneva.daria@mail.ru

Abstract. First Marina Paley novels are classified as traditional prose. However, her search for an adequate form of expression of the author's worldview led her to genre experiments and gave bright artistic results. The genre features of the story “Under the Sky of my Africa,”

© Леднева Д.М., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

its intertextuality and dialogue with Pushkin, are considered. In particular, the author analyzes the problem of “fundamental untranslatability of codes,” the genre features of the travelogue and notes in the context of Paley's entire work. The analysis of main characters also was carried out and includes the correlation of Vanka Telyatnikov with the motives of Russian evil spirits and the trickster. The inner life of Mazaniva Mvunga is studied in the context of the African line of A.S. Pushkin. Bringing together different motives, images, intertextuality, Marina Paley achieves expressive features in creating an actual picture of Russian reality and affirms her ideas about the main values of life.

Keywords: Marina Paley, A.S. Pushkin, genre forms, story, intertextuality, journey, notes

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 18, 2022; revised February 10, 2022; accepted March 1, 2022.

For citation: Ledneva, D.M. (2022). The genre features of the novels by Marina Paley. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 477–487. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-477-487>

Введение

Войдя в русскую литературу произведениями традиционного склада, Марина Палей вскоре предстала перед читателями как мастер ярких жанровых и стилевых экспериментов. Сегодня логика ее творчества указывает на необходимость более глубокого рассмотрения достигнутого ею в литературе как в историко-культурном, так и в индивидуально-авторском контексте.

Творчество Марины Палей пронизано экзистенциальным поиском, когда сталкиваются тонкая человеческая душа и суровая, нередко враждебная человеку действительность. Представляется весьма важным тот факт, что, дебютировав в журнале «Знамя» с повестью «Евгеша и Аннушка» (1989), Марина Палей через двадцать лет вернулась на страницы журнала с повестью «Под небом Африки моей» (2009), ставшей итогом духовных поисков автора.

Жанровые аспекты

Российский исследователь жанра Н.Л. Лейдерман писал о том, что разные жанры имеют разные возможности художественного освоения действительности. Каждый жанр – это особая, отличная от других система художественно-завершающего оформления действительности в целостный образ мира (Лейдерман, 2010, с. 214).

Заглавие повести является цитатой из первой главы «Евгения Онегина», оно прозрачно указывает на стремление автора к диалогу с русской литературой, выверенной по Пушкину. Для читателя авторское обозначение жанра, вынесенное в комплекс заголовка, – это указание на то, как войти в созданный автором мир.

Жанровый подзаголовок повести «Под небом Африки моей» пространен и замысловат – «Записки танзанийца Мазанивы Мвунги, налогового инспектора, сделанные им, по ходу служебных командировок, в различных населенных пунктах его родины, которые следуют как названия глав. Перевод с суахили Татьяны Петровой-Ньерере». И эта особенность подзаголовка требует пояснения.

Хотя записки заведомо не предполагают точной хронологии, налицо хронология «внутренняя»: действие повести разворачивается в период между маем 1985 г. и маем 1991 г.: рассказчик не дает точных вех, но текст наполнен маркерами времени. Временным указателем является авторская сноска об антиалкогольной кампании и запрете продавать алкоголь после 14:00 (постановление принято 7 мая 1985 г.). Еще одна указываемая в повести дата – «30 мая 199. года». Вероятно, имеется в виду 1991 г., последний год существования Советского Союза («в тот год зловещего не происходило, ничего не происходило вообще, кроме закономерного развала их Объединенных Эмиратов»).

Различные эпизоды, относящиеся к учебе в РИИСе (Российском институте изящной словесности), следуют не хронологически, а в свободном порядке, что соответствует особенностям жанра записок.

Вместе с тем в повести Марины Палей каждая глава соотносится с определенным локусом (место/город), где герой предается воспоминаниям, что указывает на необходимость связать жанровую форму произведения и с травелогоми.

У жанра путешествия свои особенности: внешний план (активное перемещение в пространстве чужого мира) и внутренний план (чувства и переживания странствующего). Заметим, что, совершая физическим образом неописанное путешествие по городам родной Танзании, Мазанива Мвунги пишет и размышляет о другой стране и о другом времени: о прошлом, в которое невозможно вернуться. Заново переживая свой опыт, герой совершает путешествие духовное.

Путешествие «побуждает к самосознанию <...> через обостренное чувство своего существования» (Шенле, 2004, с. 46), а записки – способ накопления чувств и идей, отражение души. Форму записок используют для изображения рефлексировующего сознания. И это состояние характерно не только для повести «Под небом Африки моей», но и для других произведений Палей. Например, героини повестей «Поминование» и «Евгеша и Аннушка» также совершают некое духовное путешествие в прошлое, чтобы разобраться в своем отношении к жизни. Итог духовного путешествия Мазанивы – это признание принципиального разлада с действительностью. Герой сталкивается с ужасом жизни и пытается понять, почему эту жизнь он не любит.

Записки Палей являются мнимым переводом с суахили, в действительности это не перевод, а текст, изначально написанный автором (Мариной Палей) на русском языке¹. Для рассказчика Мазанивы Мвунги родной язык – суахили, поэтому читателю предлагается представить, что он читает перевод с суахили. Автор вовлекает читателя в игру, по сути, напоминая: правила этой игры необходимо принять, чтобы оказаться ментальным образом в его художественном мире. В «перевод с суахили» сочетается литературный и бытовой язык, неожиданно звучит английский, написанный кириллицей, и английский обычный, на латинице. Вкрапление английского языка вполне

¹ Интервью с Мариной Палей: «Мне интересно проламывать стены, а не подбирать обломки» // Харьков – что, где, когда. 2018. № 4. С. 32. URL: https://issuu.com/whatwherewhen/docs/april_2018/32 (дата обращения: 30.07.2020).

объяснимы, ведь герой некоторое время учился в Вашингтоне, к тому же английский – второй официальный язык Танзании. А вот суахили в тексте звучит лишь несколько раз.

Мотив чужого и своего языка возникает также в сценарных имитациях Марины Палей «Long distance, или Славянский акцент» (1999). В романе «Клеменс» (2006) также якобы в переводе на русский представлена проза израильской писательницы Марьяны Галицкой, эмигрантки, пишущей на народном ей иврите. При этом сам роман наводит читателя на размышления о невозможности понимания между двумя душами.

Литературовед С.И. Шейко-Маленьких в исследовании «Поэтика русского постмодернизма в прозе 1990-х годов: мир как текст» (2004) показала, что в столкновении разных языков проявляется «принципиальный конфликт кодов»: «Конфликт языков обуславливает непонимание персонажами друг друга не только на вербальном языке, но и с точки зрения их „общей памяти“, культуры» (Шейко-Маленьких, 2004, с. 48). Одна культура непереводаима в другую. Английская речь записывается кириллицей, что усиливает эффект остранения. Смешение языков показывает «искажение общего семантического поля повествования» где персонажи «непонятны, непостижимы друг для друга» (Шейко-Маленьких, 2004, с. 30, 31). В невозможности точного перевода одного языка на другой, одной культуры в другую коренится принципиальная невозможность взаимного понимания.

Мазанива Мвунги пытается не просто постичь чужую культуру, но сделать ее своей. В повести нет межкультурного диалога, так как для подобного диалога нужно две культуры, а танзанийская культура в тексте не описана (лишь ближе к финалу Мазанива приводит такое описание танзанийского рынка: «все та же универсальная, внациональная помойка»).

Герой, как будто из «вакуума» придя в русскую культуру, в чужое ему культурное пространство, пытается это пространство освоить, но оно так и остается непонятой, мифологизированной страной, куда невозможно вернуться физически, потому что в объективной действительности ее не существует.

Жанровые эксперименты имеют место и в других произведениях. Повесть «Поминование» (1987) обозначена как «детский альбом». Функция альбома – сохранить память о близких людях и важных событиях. Жанровый заголовок подсказывает читателю, что перед ним череда воспоминаний о детстве. Повести «Поминование», «Евгеша и Аннушка» (1990), «Кабирия с Обводного канала» (1990) в издании «Лимбус Пресс» 1998 г. Объединены в «трилогию повестей», где каждая повесть раскрывает человеческую судьбу, а через будничное течение жизни показана общечеловеческая драма.

Циклы рассказов «Ошейник» (2003, 2004), «Бескабальное небо» (1994), «День тополиного пуха» (2013) объединены мотивным принципом (в авторских предисловиях к циклам раскрывается смысл метафоры, вынесенной автором в название).

Марина Палей экспериментирует с драматургическими и кинематографическими жанрами: сценарные имитации «Long distance, или Славянский акцент» (текст, мимикрирующий под сценарий, где структура сценария

постоянно нарушается прозаическими лирическими и философскими отступлениями), трагикомедия-буфф в трех действиях «The Immersion» («Погружение»), три одноактные пьесы на троих «Salsa for singles» («Сальса для одиночек»), триптих «La Voltige» («Вольтижировка»). Для пьесы Марины Палей также важно уточнение «на троих», подразумевающее, что все роли исполняют одни и те же три актера. Пафос этого триптиха в том, что человек, прогибаясь под различными обстоятельствами, вынужден жить не своей жизнью, то есть как актер носить маску и исполнять роль, не быть собой. Если бы в каждой пьесе нас ждали новые актеры, то нужный эффект не был бы достигнут.

Параллельно идут поиски в области крупной прозы: роман-притча, петербургский роман, памфлет-апокриф, роман-бунт. Жанр притчи Мариной Палей в романе «Хор» (2011) видоизменяется, читатель должен не прийти к моральному выводу, а увидеть проблему: невозможность преодоления стены между людьми, и, увидев эту проблему, все же начать поиск способа эту стену преодолеть.

Русский паганизм

В повести «Под небом Африки моей» отсутствует привычное линейное повествование. Перед читателем разворачивается история характера, череда впечатлений, рассказ о попытке проникновения одной души в другую, попытка постичь другую культуру путем постижения сути характера представителя этой культуры.

События излагаются в той последовательности, которая нацелена на создание целостного образа Ваньки Телятникова. Читатель сначала узнает, какое впечатление производил Ванька, и только потом читает описание знакомства двух героев. Рассказу о духовном прозрении Мазанивы предшествует рассказ о русском герое. Комментарий рассказчика уточняет, что повесть не о Мазаниве, а о Ваньке. «Смысл мессиджа: это не я, Мазанива, особенный, и, конечно, не Лауген, а именно он, Ванька – и все его личные вещи».

Мотив нечисти и потустороннего начала сопровождает образ Ваньки Телятникова на протяжении повести. Ванька представляется Мазаниве «существом двойственным, то циклопически-чрезмерным, то словно бы истаявающим на глазах». В первой главе (Mtvara) Мазанива сравнивает Ваньку с гибридом анчутки, мелкого банного беса, и кикиморы, двух представителей русской нечисти: «Очевидно, не что иное, как прикомандированность анчутки к банному делу (вуайеризм, мелкие пакости и паскудства), объясняет эту его, как мне слышится, вертлявость, юркость, комическую кривизну тонюсеньких ножек, писклявое бляение, гнусавость...».

Здесь следует пояснить, что анчутка в славянской мифологии принадлежит к классу нечисти, который связан с водой и в то же время обладает способностью летать. Анчутка чаще всего представляется существом мужского пола и небольшого размера (Топоров, 1973, с. 33, 34). Как и кикимора, анчутка способен становиться невидимым, принимать любой облик, например обратиться зверем или человеком, может мгновенно перемещаться в пространстве. Последнее играет в повести особую функционально-смысловую

роль. Во-первых, обретает художественную логику внезапное исчезновение Ваньки во время грозы (описанной весьма зловеще и драматично), когда его «словно утащили потоки мутной воды», и его столь же внезапное появление в Люберцах. Во-вторых, обретает символический смысл эпизод последнего исчезновения/гибели Ваньки.

В такой характеристике Ваньки отражена склонность Мазанивы к мифологизированию фактов. Не будучи готовым смириться с Ванькиной смертью, Мазанива придумывает различные варианты событий, например Ваньку похитили мафиози и сделали ему пластическую операцию (оборотничество), а затем Ванька внезапно возникает на танзанийском рынке (вновь – способность к перемещению в пространстве).

Кроме того, в образе Ваньки с чертами русской нечисти соседствуют и черты трикстера. «В мифологии и фольклоре, – пишет исследователь, – трикстер – это чаще всего антропоморфный образ, божество или животное» (вспомним сравнение Ваньки с муравьем), «которое не подчиняется общим правилам поведения и морали и совершает противоправные и противоречивые поступки» (Комиссарова, 2018, с. 3). Трикстер – двойник, который передразнивает и делает наоборот. Трикстер – плут, демиург-разрушитель, прожорлив, сексуально озабочен до предела (в повести у Ваньки две жены, летняя и зимняя (официальная), и старшеклассница, репетиторство с которой оканчивается связью и рождением ребенка). Чаще всего трикстер побеждает, но рано или поздно фокусы его кончаются, и он гибнет страшной смертью. Так, Ваньке свойственны довольно опасные фокусы, такие как карабканье на четвертый этаж по водосточной трубе под песню «The road to Hell». И всякий раз, когда Ванька пропадал, труп его в первую очередь искали в местном пруду, то есть мотив нависшей над Ваньки смерти проходит через всю повесть. Поиски его трупа именно в пруду вновь отсылают нас к его природе водной нечисти.

Наиболее яркими примерами его «противоправных» и «противоречивых» действий становятся эпатажное распитие алкоголя на детской площадке и провокация воспитательницы, сорванная лекция про Аввакума, обряд насильственного братания, разлитие с завязанными глазами алкогольных напитков прямо на лекции, взбирание по водосточной трубе на глазах у перепуганных соседей (ловкость, с которой Ванька проделывал этот трюк, – отсылка к способности летать некоторых представителей нечисти).

Зооморфность и оборотничество – другая отличительная черта трикстера. Мазанива сравнивает Ваньку и с муравьем, и с богомолем, и с комаром, и с обэриутскими чешуекрылыми. Присущая Ваньке двойственность, связь с потусторонним делает его медиатором, соединителем. Ванька как бы принадлежит двум мирам сразу, и Мазанива очень точно это улавливает.

В финале повести, когда Мазанива гонится за Ванькой на танзанийском рынке, ярко проявляется и Ванькина способность к оборотничеству и перемещению между мирами. Если предположить, что Ванька, с его потусторонней сущностью, не погиб, а перешагнул за грань, в мир по ту сторону, и в финале повести на краткий миг вернулся, поманив за собой Мазаниву, то проводя параллель с романом «Клеменс», мы увидим, что Майк перешагнул

в Зазеркалье и ушел за Клеменсом, оставив после себя записки, а вот Мазанива перешагнуть за грань не смог.

Мазанива стремится вернуться во времена Ваньки, то есть вернуться в то время, которое вне «Времени, Забвения и Вечности», существующее само по себе, в собственной системе координат, и в этом случае Ванька является проводником между двумя реальностями: той, которую герой отрицает, и той, в которой хотел бы жить. Таким образом, перед читателем предстает столкновение идеального и реального. Прошлое – яркое, живое. Настоящее – скудно, выброшено из текста.

Мотив «не своей жизни», звучащий в других работах Марины Палей, представлен здесь следующим образом: не внешние обстоятельства не позволяют герою жить своей жизнью, а его собственная заикленность на мифологизированном пространстве-времени и неспособность преодолеть выпавшие на его долю страдания.

Интертекстуальность

В текстах Марины Палей встречаются как прямые упоминания других писателей и рассуждения об их творчестве, так и цитаты, неочевидные отсылки и аллюзии. Часты обращения к И.А. Бунину. Так, в повести «Поминование» звучат слова Бунина: «Воспоминания, – пишет Бунин, – нечто столь тяжкое и страшное, что существует даже особая молитва о спасении от них» («Жизнь Арсеньева», Книга пятая, ХХІХ). Через всю повесть проходит мотив тяжести воспоминаний. Свое детство лирическая героиня Марины Палей сопоставляет с детством героев С. Аксакова, Л. Толстого, А. Толстого, Н. Гарина-Михайловского. Описывая свои чувства, героиня вспоминает Лермонтова: «Я чувствовала себя несчастнее всех на свете, чуть ли не Мцыри, который унижительно приговорен к месту, где он жить не может, но вновь туда возвращается». Атмосферу, царившую в Доме, героиня сравнивает с тем, что имеет место в рассказе Бабеля «В подвале». Ожидание возвращения матери и любовь к ней героиня Марины Палей сравнивает с чувствами героини из рассказа «Фро» Андрея. Героиня «Поминования» познает и «внутреннюю эмиграцию», в самые трудные минуты «сбегает» к Лермонтову и Есенину.

Палей отважно нападает на Льва Толстого за то, что в эпилоге «Войны и мира» он превращает Наташу в примерную жену и мать, а ее вероятная чувственность замалчивается. Палей насмехается над Наташиной иступленовосторженной радостью по поводу грязных детских пеленок, что выражено в образе: „Наскоро замытые пеленки в зеленых, обессмерченных классиком пятнах били по лицу сырыми крыльями летучих мышей“» (Хитон, 1997, с. 75–76).

В повести «Рая & Аад» фиктивный муж-иностранец, поверхностно воспитанный на классике русской литературы, критично оглядывает Раису, сравнивая ее «поочередно с Наташей Ростовою, Настасьей Филипповою, Соней-проституткою и Соней-приживалкою (семьи Ростовых)» и, «опечаленный несходством Раи ни с одним из притягательных образцов», все же соглашается на фиктивный брак. Раиса и ее мать тоже воспитаны на русской литературе,

но на другой. За образец они берут Дарью из «Тихого Дона» Михаила Шолохова. Здесь Марина Палей цитирует сцену, где Дарья, несмотря на несправедливые упреки, помогает пьяному Петру. Рассказчик же (первый брачный свидетель) довольно ехидно осуждает подобные отношения, рисуя перспективы, какие были бы у Раисы, если бы она решила не прогибаться.

В этой же повести Палей иронично предлагает новый сюжет «Анны Карениной»: «Так и тянет сварганить римейк (социальный роман): Анна Аркадьевна знай себе бегаёт к семейному психотерапевту: сначала открыто, с Карениным, затем тайно – с Вронским. Страховая компания визиты с Карениным возмещает, а с Вронским – нет. (Или, допустим, с Карениным возмещает полностью, а с Вронским – только на 14 %.) Анна все глубже, все отчаянней, все безнадежней погрязает в долгах... Финал известен».

Диалог с Александром Пушкиным, с опорой именно на африканскую линию его жизни, является важным функциональным элементом повести. Здесь используются как общеизвестные факты (прадед Пушкина Ибрагим Ганнибал был родом из Эфиопии (Абиссинии)), так и литературные отражения Африки и африканского у Пушкина.

Ю.М. Лотман говорил о «стремлении Пушкина создать себе в литературе вторую биографию, которая служила бы в глазах читателей связующим контекстом для его произведений» (Лотман, 1995, с. 71).

Если, создавая прекрасные стихи об Италии, в которую его тоже не отпустили (как и вообще за границы России), Пушкин «делил» Италию со всеми другими поэтами, воспевавшими ее в стихах, то Африка была исключительно его пространством. Став частью его Я, тема Африки получает у него свою художественную трактовку, это всегда нечто «далекое, романтическое, свободное, экзотическое, недостижимое, иногда пугающее, часто чудесное, но, как правило, всегда дихотомическое» (Кувшинов, 2015, с. 45). Далекая и романтическая Африка противопоставляется России как противопоставление мира желанного и мира обыденного.

Для пушкинского мифа очень важна линия «потомок негров». Мифологический герой обязательно рождается каким-то экзотическим образом. Для России того времени потомок негров – это «искомая экзотичность» (Шеметова, 2011, с. 35), то, что необходимо, чтобы мифологема заиграла. Но Мазанива живет в другое время, и его попытка создать мифологему «потомок Пушкина» оборачивается громким провалом и выливается в едкие высказывания раздраженных редакторов: «оставьте уже Пушкина в покое».

В конце 1980-х гг. образ негра и, в частности, африканца в советском обществе предстает чем-то обыденным. «В глазах „простого советского человека“ предперестроечных лет Африка теряет былую экзотичность и социальную привлекательность. Расхожим становится представление о том, что чернокожие студенты – попрошайки и спекулянты, имеющие возможность с выгодой ездить за рубеж. Их винят и в том, что они непристойно ухаживают за белыми девушками» (Богданов, 2014, с. 134–135). Так что, если Пушкин, используя мифологему «потомок негров», был оригинальным и экзотичным, то Мазанива Мвунги был всего лишь очередным африканцем, который приехал на учебу в Советский Союз.

Когда на полях его рукописей проявляются тайные комментарии редакторов, Мазанива ощущает, что чудесная страна, культура, с которой он чувствует родство («род наш происходит из того же колена, что род Великого Русского Поэта»), его категорически отвергает. Прочитав комментарии на полях дипломной работы, он в поисках утешения бросился пересматривать рукописи художественных произведений. Но и здесь его ждало еще большее разочарование:

«На полях рукописей „новые смыслы“ оказались еще похлеще, чем в дипломе: одни редакторы (в отличие от профессоров, не ограниченные даже формальными рамками процедуры) шлифовали на мне, безгласном оселке, свои мертвые графоманские косы; другие же, пользуясь невидимостью химического карандаша, непринужденно выплескивали „темное бессознательное“».

Мазанива замечает, что страна эта подарила ему много надежд и мечтаний, а «ведь именно надежды и мечтания являются главными компонентами *человеческой* жизни», ибо без них «рамки этого мира <...> обнажают простую и страшную суть канареечной клетки». И вот, подарив столько мечтаний и надежд, эта страна все эти надежды и мечтания и уничтожила. Мазанива признается: «Мне уже навсегда будет тошно жить в любой, совершенно без разницы в какой, точке планеты!» Так жизнь Мазанивы и стала страшной морилкой.

В финале повести Мазанива вспоминает строки Пушкина: «Придет ли час моей свободы?..» (Евгений Онегин, глава 1, строфа L). При этом он никак не может вспомнить последние две строки: «Где я страдал, где я любил, / Где сердце я похоронил».

Герой Марины Палей чувствует себя несвободным и сравнивает свою несвободу с пушкинской, но в том-то и дело, что, будучи пленником в своей стране, Пушкин оставался духом свободен. Мазанива же, наоборот, несвободен духом, загнав себя в ловушку из воспоминаний о прошлом и фантазий о Ваньке, он не пережил крушения своих надежд и мечтаний. В то время как у Пушкина надежды и мечтания оставались. Более того, Пушкин от жизни принял и любовь, и страдания, Мазанива же не смог принять жизнь во всей ее полноте и оказался в состоянии цепляющегося за мифологизированные переживания. Увы, для Мазанивы свобода – это смерть. Но и умереть не получается. Пушкин в своей тоске любил и Россию, и Африку. Мазанива же в своей тоске разочарован в жизни и это делает его глубоко несчастным.

Заключение

В повести Марины Палей «Под небом Африки моей» раскрывается определенный аспект отношений человека и действительности, постигаемый как процесс, то есть в становлении и развитии. Повесть всегда сводится к диалогу, к контрастному соотношению всех пластов и элементов художественного мира. Повести свойственна сосредоточенность на выявлении основных, ударных противоречий времени и его главных тенденций, именно ей присуще выделение самых «болевых» проблем из массы вопросов времени, именно повесть ориентирована на тщательный анализ самого процесса развития и разрешения данного, главного противоречия.

Отношения человека и действительности в повести Марины Палей строятся как враждебные. В повести «Под небом Африки моей» герой проживает от «надежд и мечтаний» до «страшной морилки» и в конце концов вынужден признать, что он не любит эту жизнь. В этой повести не столько ударное противоречие конкретного времени, сколько противоречие вневременное, всевременное – это вопрос о том, что, даже если жизнь душит человека и объективная действительность не соответствует его внутреннему миру, необходимо уметь принять это страдание достойно и прожить его.

С другой стороны, в повести болевая точка – это одиночество человека, неспособность, нежелание или неумение примириться с действительностью, желание соприкоснуться с некой прекрасной тайной и сбежать от объективной действительности.

«Под небом Африки моей» сочетает признаки повести и жанров записок и путешествий. Это повесть о вневременном конфликте человека с самой собой и с действительностью.

Список литературы

- Богданов К.А. Негры в СССР. Этнография мнимой диаспоры // Антропологический форум. 2014. № 22. С. 103–142.
- Комиссарова У.А. Образ трикстера в модернистской и постмодернистской романной традиции: М.А. Булгаков, Борис Акунин: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.
- Кувшинов Ф.В. Тема Африки в русской литературе первой трети XX века // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 2. С. 45–49
- Лейдерман Н.Л. Теория жанра: научное издание / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2010.
- Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; Евгений Онегин: комментарий. СПб.: Искусство-СПб, 1995.
- Топоров В.Н. Из истории балто-славянских языковых связей: Анчутка // Baltistica. 1973. Т. IX. № 1. С. 29–44.
- Хитон Дж. Русская женская проза – феминистский подход как проблема на примере прочтения прозы Марины Палей // Славянское и восточноевропейское обозрение. 1997. Т. 75. № 1. С. 63–85.
- Шейко-Маленьких С.И. Поэтика русского постмодернизма в прозе 1990-х годов: мир как текст: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.
- Шеметова Т.Г. Мифологема «потомок негров» как значимый элемент пушкинского мифа в литературе XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2011. № 1. С. 35–41.
- Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. СПб.: Академический проект, 2004.
- Юхнова И.С., Богатырев Е.А., Гардзонио С., Вершинина Н.Л., Аннушкин В.И., Кушнеренко В.Ф., Лоуэнфельд Дж., Кричевская Е.А., Жиркова Н.А., Мохаммади З. Русский мир Пушкина (круглый стол) // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 227–238.

References

- Bogdanov, K.A. (2014). Negroes in the USSR. Ethnography of the imaginary diaspora. *Anthropological Forum*, (22), 103–142. (In Russ.)

- Heaton, J. (1997). Russian women's writing: Problems of a feminist approach, with particular reference to the writing of Marina Palei. *The Slavonic and East European Review*, 75(1), 63–85.
- Komissarova, U.A. (2018). *The Image of a trickster in the modernist and postmodernist novel tradition: M.A. Bulgakov, Boris Akunin* (abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Moscow. (In Russ.)
- Kuvshinov, F.V. (2015). The theme of Africa in Russian literature of the first third of the twentieth century. *Bulletin of VSU. Series: Philology. Journalism*, (2), 45–49. (In Russ.)
- Leiderman, N.L. (2010). *Genre theory: Scientific publication*. Yekaterinburg: Institute of Philological Research and Educational Strategies “Slovesnik,” Ural Branch of the Russian Academy of Education. (In Russ.)
- Lotman, Yu.M. (1995). *Pushkin: Biography of the Writer; Articles and Notes, 1960–1990; “Eugene Onegin:” Comment*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ. (In Russ.)
- Schönle, A. (2004). *Authenticity and fiction in the author's self-awareness of Russian travel literature. 1790–1840*. St. Petersburg: Akademicheskii Proekt Publ. (In Russ.)
- Sheiko-Malenkih, S.I. (2004). *Poetics of Russian postmodernism in the prose of the 1990s: The world as a text* (dissertation of the Candidate of Philological Sciences) St. Petersburg. (In Russ.)
- Shemetova, T.G. (2011). Mythologem “descendant negro” as a significant element of the myth of Pushkin in the literature of the 20th century. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, (1), 35–41. (In Russ.)
- Toporov, V.N. (1973). From the history of the Balto-Slavic language relations: Anchutka. *Baltistica*, IX(1), 29–44. (In Russ.)
- Yukhnova, I.S., Bogatyryov, E.A., Gardzonio, S., Vershinina, N.L., Annushkin, V.I., Kushnerenko, V.F., Lowenfeld, J., Krichevskaya, E.A., Zhirkova, N.A., & Mohammadi, Z. (2018). Pushkin's Russian world (round table). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (1), 227–238. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Леднева Дарья Михайловна, аспирант, кафедра новейшей русской литературы, Литературный институт имени А.М. Горького. ORCID: 0000-0001-9416-963X. E-mail: ledneva.daria@mail.ru

Bio note:

Daria M. Ledneva, postgraduate student, Department of Modern Russian Literature, Maxim Gorky Literature Institute. ORCID: 0000-0001-9416-963X. E-mail: ledneva.daria@mail.ru